

11 февраля
2015 года

№10(1194)

СЛОВО

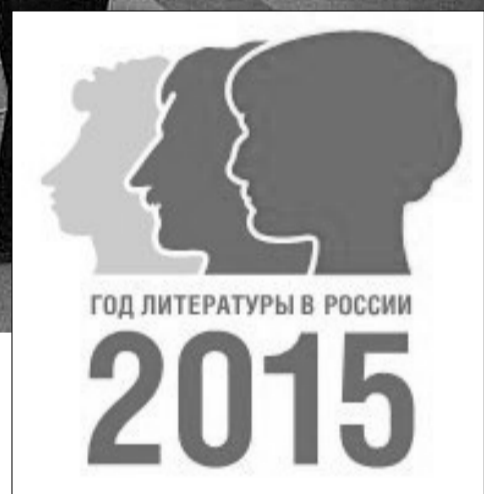
В начале
было Слово,
и Слово
было
у Бога,
и Слово
было Бог...

7

Литературный проект. Писательская организация «Слово» в газете «Димитровград»

Лидия Степанова,
Александр Лайков,
Татьяна Эйхман
и Светлана Зазимко
на открытии
Года литературы

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ в Ульяновской области открыт

28 января состоялось торжественное открытие в Ульяновской области Года литературы. Главный проект года в нашем регионе носит название «12 симбирских литературных апостолов». Большое литературное собрание, посвященное его старту, проходило в стенах Ульяновского драмтеатра

Гостями и участниками события стали члены Общественного совета по продвижению чтения и поддержке книгоиздания, члены комиссии по русскому языку, Ассоциации учителей русского языка и литературы, регионального объединения Союза писателей, а также краеведы, книгоиздатели, работники музеев и библиотек, театральные деятели. В фойе театра были представлены электронные презентации «12 симбирских литературных апостолов» и «Они все славят землю нашу своим великим мастерством», посвященные каждому из «апостолов» и с ними связанным литературным местам. В фойе состоялась автограф-сессия ульяновских писателей, участие в которой приняла димитровградская поэтесса Лидия Степанова. У открытого мик-

рофона прозвучали стихи молодых поэтов и декламаторов, фрагменты произведений писателей, вошедших в главный проект года «12 симбирских литературных апостолов». На сцене развернулась театрализованная литературно-историческая миниатюра «На Венце» при участии симбирских писателей-классиков в исполнении актеров Ульяновского драматического театра. Церемонию вручения III Областной поэтической премии имени Благова открыл губернатор Сергей Морозов. В номинации «Художественное мастерство и верность традициям Николая Благова» свидетельство лауреата и денежное вознаграждение получил Александр Лайков, поэт, член СПР, заместитель главного редактора лите-

ратурного журнала «Симбирск»; в номинации «Край мой на Волге» победила Татьяна Эйхман, поэт, член СПР, руководитель литературного объединения «Родники» Карсунского района; в номинации «Молодежная» премия вручена Александру Приданову, поэту, члену Российского союза профессиональных литераторов. Литературному собранию было представлено выступление доцента кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета Михаила Матлина «Русская литература как средство формирования духовного мира человека». Ульяновский поэт, журналист, краевед, член СПР, создатель гимна Ульяновской области Николай Марянин обратился к собранию с речью «Ульяновск –

родина талантов», в которой рассказал об открытиях ульяновских литературных краеведов забытых имен талантливых земляков, как ныне живущих, так и ушедших в мир иной. Завершило торжественное открытие Года литературы выступление молодого поэта, лауреата Всероссийского литературно конкурса им. Лермонтова «Мцыри» Александра Дашко «Год литературы – молодым» при поддержке поэтических голосов молодых ульяновцев. На церемонии открытия Года литературы присутствовала вдова Николая Благова Ляля Благова, ей были вручены цветы. Также по окончании торжеств Ляля Ибрагимовна принимала участие в пресс-конференции наряду с лауреатами областной поэтической премии.

Январские чтения

Открытию Года литературы посвятили свои январские чтения любители поэзии в городском общественном клубе «ЭХО» при библиотеке «Дворец книги». Литературный вечер «Родники Николая Благова» длился более полутора часов. Поэзия земляка-ульяновца, насыщенная чистой любовью к родным местам, болью за страдания, выпавшие на долю народа в годы Великой Отечественной войны, темами мирного труда простых людей, принималась близко к сердцу и выступавшими, и слушателями. Стихи Благова читались и наизусть, и по его сборникам, - это говорит о том, что «эховцы» активно готовятся к встречам с поэтическим богатством нашего народа. Работники Дворца книги во главе с Натальей Резниковой не только оформили выставку книг автора, но и накануне чтений помогли участникам клуба шире узнать творчество поэта. Замечательную презентацию жизненного и творческого пути Николая Благова представила библиотечка Татьяна Елисеева. Было приятно узнать, что по окончании Ульяновского педагогического института еще совсем молодой поэт какой-то период своей жизни отдал Мелекесу, работая здесь журналистом. Стихи поэта прозвучали в исполнении Светланы Зазимко, Алевины Зайцевой, Лилии Королевой; Валентина Мосиенко поделилась воспоминаниями о знакомстве и общении с ним; словно переключкой поэтов прозвучало душевное выступление Валентина Манухина, читавшего и стихи Благова, и собственные произведения. Отрадно, что на клубный «огонек» заходят и молодые люди. Любимый желающий хоть ненадолго окунуться в мир прекрасного поэтического слова может принять участие в клубных чтениях - они проводятся в последний вторник месяца, в 17.00, во Дворце книги.

Первая работа

Вскоре после того, как растаял снег и появилась первая зеленая травка, взрослые гуси вместе с гусятами выходили во двор, а затем и на улицу. Гусята дружно щипали травку, а с ними и гусыни, они лишь иногда поднимали свои головы.

А вот гусак головы почти не опускал, он следил за обстановкой и иногда давал команды, которые все немедленно выполняли. Главной его задачей было не допустить посторонних, а если кто-то приближался, он издавал громкий крик и бесстрашно бросался на врага, гусыни спешили к нему на помощь.

Самым страшным врагом был, конечно, гусак из другой стаи, ведь если стаи смешивались, то вожди вступали в жестокую схватку, при этом могли сильно пострадать и даже погибнуть гусята.

Работа была простая, но ответственная – не допустить сближения стай и отгонять своих гусей в сторону. Для этого приходилось зайти к ним, но гусак тут же несся ко мне с низко опущенной шеей, издавая при этом устрашающее шипение, а все гусыни присоединялись к нему.

Вначале было страшно, но стоило лишь вытянуть руку и показать им кукиш, как они успокаивались и отступали. Этому жесту меня научили заранее. Так продолжалось много раз, но потом гуси поняли, что я не представляю для них угрозы и терпели мое вмешательство.

Гуси – умные и степенные птицы. В конце зимы мама ставила под скамейками в передней части избы корзины, дно которых было застелено сеном. Затем запускали гусынь, те заходили, садились в эти корзины, откладывали яйца и опять выходили во двор, при этом в избе они никогда не сорили и все дела выполняли на улице.

Когда яиц набиралось достаточно, гусыни приступали к высиживанию. В это время они покидали свои гнезда лишь на очень короткое время. Возвратившись, очень заботливо и осторожно переворачивали яйца лапками, при этом потихоньку гоготали, как будто разговаривали со своими детьми, усаживаясь, подгребали крыльями их под себя и начинали следить за всеми входящими и выходящими, все одновременно поворачивая голову. Когда я делал резкое движение, они разом негромко, но грозно вскрикивали.

С наступлением тепла гуси выходили пастись на нашу широкую улицу. Времени свободного было много, и от нечего делать я начал бросать плитки земли в голубей, сидящих на крыше соседнего, через дорогу, дома. Такие плитки получались на месте высохших луж. От брошенного камня голуби дружно взлетали и, покружившись, опять садились.

Я пас гусей, а меня, оказывается, тоже пасли, и в этот раз это были моя мама и хозяйка дома с голубями. Тетка Надежда подкралась сзади, схватила меня, спустила мои штанишки, зажала голову между своих ног и начала стегать большим пучком крапивы. Было больно, и я, пытаясь вырваться, наверное, причинил ей какую-то боль, а она, войдя в азарт или обозлившись, была все сильнее и сильнее!

Мама растерялась и, как-то неловко откинувшись, продолжала сидеть на скамейке, но меня спасла моя сестра Дюся, которая, услышав крики, прибежала, оттолкнула чрезмерно разошедшуюся соседку и отвела меня домой. Конечно, со мной поступили жестоко, но в голубей я больше камнями не бросался.

Гусята росли быстро, а когда у них появились настоящие перья, надобность в пастухе отпала – табуны не смешивались и гусаки не дрались.

В конце осени, когда в

Леонид БЕЛОВ РАССКАЗЫ

небе появлялись косяки летящих на юг птиц, наши гуси, и старые, и особенно молодые, начинали сильно волноваться, издавали громкие крики и махали крыльями. Тогда их всех загоняли под амбар, чтобы они не могли махать крыльями и быстрее набирали вес.

Летом их почти не кормили, сами питались травой, но теперь прямо на землю насыпали зерно, а воду наливали в поилки.

Так продолжалось до наступления холодов. Далее их делили на две неравные группы. В первую входили самые здоровые и молодые, которые на будущий год повторят весь цикл, а судьба другой была печальна и жестока, но такова жизнь. Мне их было очень жаль.

Вечером мама сварила борщ. Ее борщ всегда очень вкусный, а из гусятин был особенно хорош. Моя мама привыкала к домашним животным, а когда приходила пора и отец кого-то из них забивал, она закрывалась в избе – не могла видеть столь жестокую картину. И с этим ничего нельзя поделать.

Как за мной присматривали

За мной всегда присматривали, и это была не самая простая задача. Я всегда передвигался бегом и часто попадал в разные передраги. Эту работу, как правило, выполняли мои братья и сестры, но не всегда им хотелось это делать. Так, однажды мой брат Петя вместе со своим другом хитростью заманил меня под печь, для чего они разыграли простую сценку:

- Вова, ты только посмотри, как у Леньки глаза блестят в темноте!

- И правда блестят, - подыгрывал тот.

- А вот если бы он залез под печку, то там бы они прямо как огонь горели!

Я, польщенный таким разговором, конечно, залез туда.

Петя тут же загорючил выход сундуком, и они убежали. Я остался один в этом темном, грязном, тесном пространстве, куда лишь сквозь маленькое окошко пробивался свет и поступал воздух. Мне стало по-настоящему страшно! Освободили меня вечером и в очень плохом состоянии.

Петю опять выгнали, а еду мне не хотелось ему носить.

Однажды ночью они с другом забрались в наш деревенский магазин, где набрали пряников и конфет, за что Петя и попал в колонию.

После освобождения, перед тем как идти в армию, приехал к нам и построил отдельный погреб, а мне оставил гармонию.

В этом погребе мой дядя Матвей на зиму ставил пчел, а гармонию я не успел воспользоваться, так как приехал брат Иван и увез ее к себе в поселок Мина, где он проживал в последнее время. Петр после окончания службы в армии обдумался, завел семью, уехал и жил вдали от нас.

Моя сестра Поля старше меня всего на семь лет, и чтобы побегать с подружками, тоже иногда оставляла меня одного, но делала это весьма изобретательно, используя мои особенности.

Помню, как она посадила меня в угол за стол, загорючил выход какими-то предметами, которые для меня не были преодолимой преградой, но положила передо мной книжку, да не простую, а с картинками во весь разворот, на которых изображалась битва с французами.

Воинов было много, и все одеты в яркие, красивые одежды, а если долго на картинку смотреть, они оживали и начинали двигаться. Вскоре я стал одним из них и храбро бросался на врагов. Когда битва на этом развороте подходила к концу, я быстро переворачивал книгу, переходил на другую картинку, и сражение продолжалось. Так повторялось снова и снова, а моей сестре надо было лишь вовремя вернуться и накормить меня.

Кружок картошки

Однажды в начале сентября я прибежал домой и увидел, что почти все мои сестры и братья собрались вокруг буржуйки, что-то делают и радостно шумят. Я пробрался к печке и увидел, что они режут молодую картошку на кружочки, затем обжаривают их на печке и съедают. Мне тоже захотелось попробовать, кто-то дал мне маленький кружочек, я его тут же отправил в рот, он обжегся и резко хватанул воздух.

На этом мои воспоминания и заканчивались. А что случилось потом, об этом поведала моя сестра, к ней я зашел, когда нашу группу студентов отправили на сельскохозяйственные и по пути мы остановились в селе Вершино-Рыбное, дожидаться грузовых машин, чтобы ехать дальше.

В дороге я узнал, что моя родная деревня и будет местом нашей работы. Я очень удивился и обрадовался – ведь

там я не был целых четыре года! Автобус довез до села Вершино-Рыбное, где и жили сестра Саша с Кузьмой.

Возбужденный предстоящей встречей с родными местами, я в приподнятом настроении что-то увлеченно рассказывал собравшимся родственникам. Они слушали все с большим вниманием, а Саша вдруг и говорит:

- Ты такой красивый и веселый! А ведь тебя могло и не быть...

Далее она рассказала о том случае возле печки.

- Когда ты поперхнулся, мы начали стучать по спине, затем трясли, но ничего не помогало. Вначале ты дергался, махал руками, а затем затих и начал синеть. Мы очень испугались, и кто-то позвал маму.

Она прибежала и, разжав тебе рот, вытащила пальцем этот злосчастный кружок картошки, надавила на грудь, и ты, не приходя в сознание, задышал. В доме установилась тишина, а когда ты проснулся и попросил кушать, то раздался общий крик радости! Все опять для меня закончилось благополучно. Моя мама делала все быстро и четко, как буднично проходила специальные курсы, но она – неграмотная женщина, и не имела к медицине никакого отношения. Это удивительно, это просто чудо или ошеломительное вмешательство моего Ангела, который и подтолкнул маму, что и как делать.

Меня этот рассказ поразило, и я в очередной раз впал в какое-то оцепенение...

На мельнице

Как-то вечером отец сказал, чтобы я ложился спать пораньше. Завтра рано утром поедем на мельницу. Ну, наконец! Я давно об этом просил, а он все не брал и не брал. Как и велели, я лег пораньше, но долго не мог уснуть. Все пытался представить себе, какая она, эта мельница, а как из зерна получается мука?

Утром, проснувшись, я тут же рассердился: отец один уехал на мельницу. Мама пыталась меня успокоить, говорила, что они с отцом пожалели меня и не стали будить, потому что я так крепко и сладко спал.

Я не унимался, и чем больше она меня успокаивала, тем сильнее расходился: приди в ярость, с досады переворнул тазик с очистками. Вот тут-то мама не утерпела и влепила мне хорошую затрещину. Я вскопчил и с ревом бросился из дома. Никто за мной не кинул-

ся, а я бежал вниз по улице, лишь зная направление в котором уезжал на мельницу отец...

Вскоре наша улица закончилась. Начались незнакомые места. Реветь я, конечно, перестал, а когда выбежал на длинную насыпь через Орловское болото, стал с опаской поглядывать по сторонам. Перебежал мост через речку Канок, за ним – опять насыпь, а потом показались несколько домов на Орловской улице. Эти дома я узнал – они были хорошо видны с крыши амбара. Туда нельзя, там живут наши враги – и я в нерешительности замедлил свой бег, но вскоре от дороги отошла тропинка, которая вела мимо Орловской улицы, побежал по ней. Тропинка слегка петляла по негустому лесу, постепенно спускаясь вниз.

Появилась незнакомая высокая и толстая трава с коричневыми трубочками на конце, но тропинка повернула на бугорок. Когда я забежал на него, то передо мной открылось огромное пространство воды. Это же и есть озеро, о котором я был слышан. Дальше пошло веселее, значит, я правильно иду. Здесь тропы вывернула на открытое место, и вдали, где кончалась водная гладь, я увидел один домик, рядом повозки с лошаадьми и людей, но совсем маленьких.

В самом конце пути я пересек ручеек, сорвал несколько гроздьев ягод черной смородины, выбежал на насыпь и увидел идущего мне навстречу отца. Тут я расслабился и начал реветь.

Оказалось, когда лишь только я появился на берегу, какой-то мужик увидел меня и сказал, обращаясь к моему отцу:

- Демид, посмотри, мне кажется, там твой Ленька бежит!

- Этого не может быть! От дома так далеко, а здесь он ни разу не бывал...

Однако отец направился навстречу.

В этот раз я оставил его без обеда, он отдал мне весь хлеб с молоком, да и яйцо тоже, а сам, конечно, остался голодным. О моем благополучном прибытии он каким-то образом сообщил маме, она не волновалась, когда мы вернулись домой.

Отец повел меня на экскурсию по плотине и, подойдя к створу, через который сбрасывались излишки воды, остановился в том месте, где ветром пригнало плавающий остров камыша. Это и была та самая трава, на которую я обратил внимание, когда бежал сюда. Указывая рукой вниз, отец сказал, что в этом месте упал в воду сын мельника и утонул, а ему было столько же лет, как и мне. Когда я спросил, где теперь этот мальчик, он ответил, что его похоронили, закопали в землю.

Меня этот рассказ поразило. Почему же он не выбрался? Ведь рядом находился забор из досок, а еще ближе был угол из бревен, на котором и держались доски. Ему надо было добраться, цепляясь руками за траву, до этого угла и подняться на плотину, тем более, что и высота-то совсем не большая. Я никак не мог смириться с тем, что он утонул и что его закопали, это было ужасно и страшно!

Потом мы пошли осматривать саму мельницу, она оказалась намного интереснее сушилки. По летку вода стекала на колесо, которое неторопливо вращалось. Зашли внутрь и, поднявшись на второй этаж, посмотрели на быстро вращающийся большой каменный диск, от которого дрожала вся мельница. Такой же, почти готовый, диск лежал на земле у входа и его в свободное время доделывал мельник. На вращающийся диск сверху сыпалось зерно, а внизу из маленького лоточка тонкой струйкой вытекала белая мука прямо в подвешенный мешок.

Отец ушел, а я поднялся

на второй этаж и долго смотрел на жернов. Насмотревшись, стал спускаться, но не по лестнице, а прямо с толстого верхнего бревна, тем более, что там было совсем невысоко. Свесил ноги и замер: увидел, что ноги не попадут на нижнее бревно, а я пролезу прямо в узкую глубокую пропасть, на дне которой лежали разные камни, чтобы стекающая на мельничное колесо вода не размывала землю. Тогда я немного покачнулся и, оттолкнувшись, прыгнул. Мне очень повезло, и я оказался на полу. Затем я еще несколько раз поднимался и спускался, но теперь уж только по лестнице.

Ночью все собрались на третьем этаже под крышей. Весь дом дрожал, что-то скрипело и стучало, тем не менее я быстро уснул и спал очень крепко. Утром мы приехали домой, и мама не сердилась, а наоборот, обрадовалась и сразу налила мне чашку моего любимого борща.

В этот же год мы все и сразу, даже дома, начали разговаривать на русском языке, а нашу фамилию – Билостэргний – изменили на Беловы еще в то время, когда заставили всех вступить в колхоз.

Хохловская яма

Так называлось поле, которое располагалось далеко за мельницей. Склоны были довольно крутыми, и эти поля использовали лишь для заготовки сена. Сюда и приезжала бригада женщин-косарей. Мой отец отбивал косы и делал это мастерски, все женщины хвалили его за хорошую работу. Теперь он часто брал меня с собой.

Здесь я чувствовал себя свободно, кругом росла полевая клубника, ягоды крупные, очень сладкие, и я наедался досыта. Однажды я наполнил эти ягоды бутылку из-под молока и принес ее отцу, все меня хвалили и называли добытчиком, а я радовался.

На полях, где мы работали, часто встречались березовые рощи – колки, так они назывались, потому что все деревца росли очень густо. Такие же, только маленькие, деревца вырубали и выгораживали ими палисадники. Я уже лазал на березы, которые росли у нас за огородом, но там все деревья были разные, росли нечасто, и на них было много сучьев.

Я подошел к этой роще, все деревья были высокими и совсем без сучков. Но это для меня не стало препятствием – я забрался на дерево. Остановился, чтобы перевести дух и осмотреться, тем более, что дерево начало как-то подозрительно покачиваться. Когда я еще чуть-чуть поднялся, березка резко стала сгибаться. Чтобы не упасть, я ухватился за ствол дерева, мимо которого пролетал, но и с ним случилось то же самое. Так я проскочил еще несколько деревьев, потом какое-то меня выдержало и не наклонилось. Я перевел дух и понял, как это замечательно! Ведь невольно я пролетел несколько метров.

Далее уже осознанно двигался по деревьям и делал это все быстрее и быстрее. Я понял, что надо передвигаться боком, пока одной рукой держишься за ствол наклоняющегося дерева, другой надо хвататься за ствол следующего – тогда летишь.

Все видели эти мои полеты и удивлялись. Для меня это занятие стало одним из самых любимых. Каждый раз, как только встречалась подходящая роща, я бежал к ней и начинал свои полеты, за все время ни разу не упал.

Наверное, за это умение перелетать с дерева на дерево меня и прозвали Белкой. Но в школе это признание взрослых моей ловкости превратилось в дразнилку, и мне приходилось реагировать соответствующим образом.

Максим КАРГИН

За окошком ночь и тишина,
Август-месяц поступался птицей.
Скоро осень, а за ней зима,
и опять весь цикл повторится.
Время щелкает за годом год,
не меняя смысл, меняет лица.
Если кто ушел - другой придет
и отдаст взамен себя частицу.
Вроде старше становлюсь, мудрей,
но все чаще думаю о людях.
Вглядываться в каждого сложней,
но какие разные всем судьбы...
У кого-то дом и тишина,
много дочек и жена на радость.
А кому-то с краника вода
с куском хлеба черного - как сладость.
Третьему же - праздник каждый день,
звон бокалов и друзей рассказы.
Кто-то мрачный ходит, словно тень,
Жалуясь всем, что жена - зараза.
Кто-то в сорок пять опять влюблен,
за руки держась, идут с улыбкой.
Два кредита, в ипотеке дом,
но для них быть рядом - не ошибка...
Кто-то отпустил сейчас свое,
понимая, что нельзя иначе.
Все нормально будет у нее,
он уверен. Пусть она не плачет...
Ну, а кто-то, это пережив,
никому кроме себя не веря,
жизнь другую так и не прожив,
навсегда закроет сердца двери...
Миллионы судеб у людей,
и у каждого своя дорога.
Ни причин не знаем, ни идей.
Только судим зачастую строго.
Как известно, каждому свое —
спор давно об этом не стихает.
Пусть кого-то ставит под ружье,
но кого-то счастьем осыпает...

В лесу у нас сегодня праздник:
женится на Лисе Олень!
И тот рогатый безобразник
носился по лесу весь день.
Всем говорил, что лучше нету
его жены, его Лисы,
что по утрам теперь с омлетом,
что есть носки и есть трусы...
Что до Лисицы появилась
он жил ужасно, как бирюк,
что пьяный ползал на коленях,
что не носил ни шляп, ни брюк...
Что лишь она и разглядела
в нем ту особую черту,
которой нет в других Оленях,
с которой далеко идут...
Что голос красен, строен телом
и так блестят его рога...
И что квартирка, между делом,
сегодня очень дорога...
Олень захвален до безумья,
не чуял в женушке души,
дарил сережки и парфюмы,
таскал ей ягоды с глуши.
Ему все хором говорили:
«Будь аккуратнее с Лисой!»
Она встречалась раньше с Зайцем,
и вот те на - пропал косой...
Что вроде продали недавно
его нору родне Лисы! —
Олень не слушал: «Нет, не надо!
Зато любим, одет и сыт.
Вам не понять любви Оленьей,
не виден мой потенциал,
я наконец-то выйду с тени,
я так давно о Ней мечтал!»
И звери молча расходились —
не достучаться до него.
Когда-то так же с Зайцем бились,
и тот не слушал ничего...
Уже смеркалось, как к Оленю
вдруг подошла его жена
И, сев к Оленю на колени,
чуть хныча, молвила она:
«Хочу себе к зиме сапожки,
но нет таких у нас в лесу,
чтоб подходили под сережки,
и с лакировкой на носу...
Такими торговал недавно
в соседней роще Волк-хитрец.
Достать ты сможешь, ведь недаром
с тобой пошла я под венец!»
Олень, не думав ни минуты,
сорвался с места и пошел:
«Дорога дальняя, но утром
ты можешь накрывать на стол!»
Олень дошел, а там засада,
всей волчьей стае пир горой.
Таким подарком стая рада —
ведь быстро кончился Косой...
Лиса чуть-чуть погоревала,
все у Оленя продала,
на отдых в Турцию слетала
и замуж за Ежа пошла.
Мораль такая у рассказа:
не та родная, что поет,
как ты бесстрашен, весел, красен,
а та, что за тобой пойдет.

Ида КОФЕЙНАЯ

АКВАФИЛИЯ

В былые времена она была
привезена из дальнего путеше-
ствия. Люди, а может, и не
люди вовсе, отправились в это
путешествие целенаправлен-
но. Именно за ней. А после
столетий странствий позабы-
ли, зачем покинули насижен-
ные места...

И вот остался последний
из последних, единственный
из единственных потомков,
который помнил о цели их пу-
тешествия по миру...

Глядя задумчиво на спо-
койную гладь океана, она вер-
шила единственное дело, ради
которого и жила. По розовым
ее артериям пульсировала бо-
жественная влага. Проходя по
тонкому с нежным серебри-
стым пушком стану, насыщая
его бесценными соками, она
океанских тайн, влага собира-
лась в жемчужно-серых бутон-
ках с плотно сросшимися леп-
естками.

В полдень, млея от жарких
лучей солнца, бутоны медлен-
но разворачивались, лишь не-
намного разверзая сокмучные
уста. Прохладная влага изли-
валась в причудливые извивы
фарфоровых желобков, оплет-
шихся вокруг тонкого ствола,
и стекала в сложную систему

сосудов, наполнявших в свою
очередь цистерну, напоминав-
шую громадную акулу с сере-
бряной спиной.

Последний из последних,
единственный из единствен-
ных, опираясь на резную
трость, потемневшую от вре-
мени и пройденных дорог, доб-
рел до Нее и сел рядом на теп-
лый, в снежинках слюды ка-
мень.

- Ну вот... - сказал он. - Вот
значит как... - и задумался,
глядя на спокойную гладь оке-
ана.

Она всплеснула узкими
пергаментными листьями, по-
буждая старика говорить...

- Они долго стремились к
этому... - зашамкал старик. -
Засоряли реки, отравляли озе-
ра, осушали болота... и вот...
Остались без воды, на плане-
те на три четверти занятой во-
дой... Парадокс! Этому есть
одно лишь объяснение - наши
предки были безумны...

И он вновь умолк, глядя,
как над цистерной мечутся
стайки длиннотелых рыбок.

- В египетской гробнице
были записи и рисунки... Мои
прадеды любили хороший от-
дых, много путешествовали.
Они знали, да...

ЗВЕЗДА

Из молочно-серой глубины
тумана выплыла Звезда. Она
блуждала по Планете в поис-
ках утраченной Музы. Ее свет
старался проникнуть в каждый
уголок безмолвной безымян-
ной планеты. Раздвигая щеки,
словно пытаясь разговориться
еще ярче, молоденькая Звез-
да отправляла лучи к новым не-
исследованным трещинкам,
выпуклостям и норкам.

- Куда же она запропасти-
лась?! - досадовала она, про-
низывая лучами океанскую лу-
чину. - Сказала же - ненадолго,
а сама витает где-то уже
пару миллионов лет... Я без
нее даже петать разучилась и
свет мой никак не может про-
биться сквозь толщу Океана.

- Разтыр... пыр... мыр, -
бормотала Звезда, пытаясь
вспомнить, что же она когда-
то могла делать.

Она снова надула щеки и
дунула что было сил на Океан,
вызвав исполненный фонтан
брызг. И тут-то в глубине вод
что-то зашевелилось. Лосня-
щееся грибовидное тело стре-
мительно росло, поднимаясь
из темноты, заполнялось отра-
женным светом, искрясь мири-
адами пузырьков воздуха.
Звезда отпрянула. Океан с шумом
и плеском выплонул на
поверхность... не поражающее
своим великолепием безобра-
зием морское чудовище, не
дивной красоты Русалку, не
мощноторого Тритона из гре-
ческих мифов...

...Это был даже не Морс-
кой Деликатес, знакомец Али-
сы в Стране Чудес. Это был
плюшевый зеленый пасхаль-
ный Заяц с задумчивыми стек-
лянными глазами и длинными
застенчивыми ресницами...

- Это еще что? - вскрича-
ла смущенная своим испугом
Звезда.

- Не что, а кто... - мелан-
холично ответил Заяц,

звездный свет отразился в его
глазах. - Заяц, пасхальный
заяц девочки Иды.

- Какой еще Иды? Ничего
не понимаю. Я здесь в поис-
ках Музы, а не дурацких шуток!
- возмутилась Звезда.

- Я не дурацкая шутка. Сей-
час я и есть твоя Муза. Муза-
ец, если угодно!

Звезда задрожала от оби-
ды, заморгала, готовая вот-вот
взорваться и рассыпаться на
метеоры.

- Я пришел напомнить.
Зимняя ночь... Над городом
свечит луна и падает слабый
мягкий снег. Девочка Ида с ма-
мой спешат из музыкальной
школы домой. У девочки в ру-
ках скрипка, и снег тихонько
поскрипывает у нее под нога-
ми. Дома ждет рождественская
елка, почти наряженная, не
хватает только сияющей звез-
ды... Вспоминаешь?

- Н-нет, - замешкалась
Звезда, по ее ясному лицу про-
бежала муаровая тень облака.

- Ну как же? Ида и мама
остановились у лавки игрушек
ручной работы. Зеленый пас-
хальный заяц, выставленный в
витрине только сегодня, вы-
глядел лишним в компании но-
вогодних троллей, рожде-
ственных гномов и имболко-
вых соломенных кукол. Но
Ида поняла: вот она, любимая
игрушка!.. И нечего так мигать,
я не хвастаюсь, а помогаю тебе
вспомнить... Так вот. Ида про-
сительно посмотрела на маму,
а мама на этикетку. Сумма на
ценнике удивила ее, но она
обещала подарить девочке
что-нибудь волшебное, и по-
этому мама, вздохнув, полез-
ла за кошелем. Пересчитала
деньги, поразмыслила о чем-
то и пообещала, что под ро-
ждественской елкой непременно
поселится пасхальный заяц.

- При чем здесь я?! - все
еще недоумевала Звезда.

Они отправились на поис-
ки единственного растения,
что могло спасти расу зем-
лян... Аквафилия опресняю-
щая... Ничего не осталось и
никого, кто бы вспомнил, как
и где они нашли тебя, - старик
протянул было руку, чтобы кос-
нуться жесткой лисы, но за-
кашлялся от резкого движения,
и деревце не получило долго-
жданной ласки.

- Ты спасла их... Они раз-
богатели, продавая пресную
воду... О-о! Это были жестокие
люди... Гордые, сильные, они
не сгибались перед ударами
судьбы и никого не жалели...
Род наш сорвался с насижен-
ных мест и, как Мельмот-ски-
талец, должен был странство-
вать по свету, чтобы никто не
посягнул на основы основ их
власти и могущества... Он под-
нялся на небывалую высоту...
А весь мир задыхался в корчах
без воды, мы богатели... Но
аквафилия не может так... Без
любви, на крови и насилии...
Ты уничтожила нас, девствен-
ная, единственная в своем
роде, ты посеяла свои семена,
разослав их по свету... Знала
бы ты, как часто, мучимый рас-
кайнением, я молился в храмах
Земли, прося прощения... Как
часто, снедаемый жаждой от-
мщения, я ненавидел тебя и
хотел вырвать прочь... Я уни-
тожал аквафилию огнем и ме-
чом... Но ведь было уже по-
здно... Ты - всего лишь дерев-
це, ты не успела... Мы сошли
с ума... да... а я хотел... а
люди... - старик смешался...
По паутине морщин поползла
слеза, разветвляясь и стекая к
подбородку по мельчайшим
впадинам на коже...

Старик побрел прочь, а ак-
вафилия жалобно встряхнула
жесткой острой листвой.
Она мало что поняла из пута-
ной речи старика и принялась
жадно впитывать соленую воду
океана, пропуская по своему
волшебному телу и изливая
опресненную влагу в цистерну
на берегу.

Над пустынной планетой
пел ничем не сдерживаемый
ветер...

Александра БЕЛОВА

О ЛЮБВИ

Н. Ч.

Иногда мы принимаем за истинную нежность
всполохи огня, заложенного в нас Богом.
Огонь не может не вспыхивать.
Но когда к нам поступит Она,
истинная Любовь,
все вокруг и в нас умолкает,
боясь спугнуть... Значит, это пришло.
Надолго. А может быть, навсегда.
На все жизни.
Хорошо бы перебирать четки жизней
в долгой тихой радости
и слышать песню Ангела,
который бывает один на двоих.

ГОЛГОФА

Ты знаешь, я твоя голгофа,
а ты - моя.
Прошли через года и строфы,
любви моря.
Любви и ненависти, странно
связавшей нас,
мучительной, непостоянной.
Но каждый раз,
когда твою теряла нежность,
я в тот же миг
испытывала безнадежность.
А ты постиг
все таинство причин и следствий
ушедших дней
сквозь призму радостей и бедствий
судьбы твоей?
Вопросам несть числа.
Я знаю,
ответов нет.
Средины я не обещаю -
в ней ясный свет.
Но золотую середину
нам не узнать.
Как зной и ливень, мы едины -
дано понять...

ТАЙНА ЖЕНЩИНЫ

Знаешь ли ты, что сильнее тебя в этом мире
только Создатель всего. Но веками Творец
тайну твою бережет, «стопудовые гири»*
в руки вложив, для раскрытия

женских сердец.
Как же давно ты лелеешь смиренную
нежность.
«Да убоится!» - твердят все мужчины
Земли.
Но, принимая твою доброту и надежность,
не понимают, что старые догмы ушли.
Ты возродилась, как Феникс,
из пепла страдания.
Взгляд твой открыт, и уже возведен
пьедестал.
Но, как всегда, ждешь судьбу
на краю мироздания
с тихой улыбкой и знаешь, что жребий
упал:
выйти на путь возведения земного порядка
силой Любви, из божественных тканей
Добра.
Ты не устанешь, отдав всю любовь
без остатка,
Небо выполнит ее. Поднимайся! Пора.

*Испытания

Диалог

Пятилетняя дочка спросила отца:
- Мне забраться на гору высокую можно?
От трудов своих не отрывая лица:
- Да, - ответил он ей, - только будь
осторожна.
- Если я позову, ты услышишь меня
и на голос мой сразу ко мне обернешься?
- Да, конечно, я сразу услышу тебя,
помашу и увижу, как ты засмеешься.
Словно лучик, ребенок на гору взбежал.
Среди зелени яркое платье мелькало.
А мужчина работу свою продолжал...
На Земле, в облаках, во Вселенной
звучало:
- Если Я позову, ты услышишь меня?

Культовый писатель Олег Рой придет в Димитровград

Мастер пера, чье имя входит в топ-10 самых покупаемых писателей России и в топ-100 лучших европейских современных писателей, проведет в нашем городе творческую встречу с читателями. Она состоится 19 февраля в библиотеке «Дворец книги» (ул. Королева д.1). В 13 часов Олег Юрьевич встретится с детьми. А в 14 часов – с более взрослыми почитателями его таланта.

Напомним, Олег Рой является культовым автором психологических романов, членом Союза писателей России и Союза писателей Европы, лауреатом нескольких литературных премий. Он – автор более чем двух десятков книг различных жанров – от комедии до мистики – и множества статей в популярных изданиях, посвященных политике, экономике, бизнесу, социальным проблемам.

Марина ПАНКРАТОВА

ДЛЯ ЧЕГО ПРИШЛА ЛЮБОВЬ?

Февраль главенствует опять,
И за окном снежинок стая...
Перетерпеть, перемолчать
Твою потерянность пытаюсь:

Не трогать потный телефон
В такие дни, не ждать ответа,
Но сердца глупого закон
Не соглашается на это.

Не успокоится оно –
То мой каприз иль тайна свythe,
Пока твой голос не услышу
Хотя бы раз я перед сном.

ГОТОВНОСТЬ

Я готова подарить тебе целый мир,
Только ты ведь подарка не примешь,
Я готова проводить с тобой каждый миг,
Только что тебе мое имя?

Я готова уйти от тебя навсегда,
Если ты этим будешь счастлив,
Я готова упасть, словно с неба звезда,
Расколется на мелкие части,

Я готова отдать за тебя свою жизнь –
Без тебя в ней не вижу смысла,
Чтобы ты не страдал, что мне сделать,
Скажи? Приведи меня к верной мысли.

ВО ИМЯ ЛЮБВИ

Любимый, коль на беду мою
Случится с тобой беда,
Нисколько не задумавшись,
Я жизнь за тебя отдам,

Ведь мне без тебя так холодно,
Так тягостно всякий час,
Что душу продам я Воланду,
Коль Бог будет против нас,

За руки твои могучие,
За счастье тебя любить
Готова страдать и мучиться
И чашу свою испить.

Имя Бога пишу с заглавной,
Имя черта пишу – со строчной,
Не во имя минутной славы,
Но во имя любви бессрочной,

Не во имя своей гордыни,
Но во имя души любимой,

Пусть и кажется, что отныне
Божий промысел ходит мимо,

Попрошу за того, чьей боли
Мое сердце терпеть не может,
И отхлынет она безвольно
От того, кто всего дороже.

Мне б заснуть на твоей груди,
И проснуться, опять любя,
И не думать о «впереди»,
И смотреть только на тебя,

Пусть упрямо твердишь в душе,
Мол, слепила кого-то там –
Я не слышу давно уже
И не внемлю твоим словам;

Я доказывать не хочу
То, что вовсе я не верблюд,
Я прижмусь к твоему плечу,
Пусть попробуют, оторвут,

А забудешь ко мне пути,
Значит, так суждено судьбой,
Только молча не уходи,
Попрошайся позволь с тобой.

Я так устала, я хочу к тебе,
Чтоб ничего не видеть и не слышать,
Чтоб только ветер тихо спал
на крыше,
Нет ни «вчера», ни «завтра»,
есть «теперь».

Одно «теперь», и ничего вокруг,
Душа к душе, ни ближе
и ни дальше.
Ты так же, как и я, устал от фальши,
От близких, но притворно теплых рук.

От слов, что говорят мимо глаз,
От ханжества, что родственник
приличья,
Ты тоже это знаешь на «отлично»,
Так посвятим друг другу вечер, друг.

Жизнь напоминает электричку,
У которой остановок нет,
Вне сомнений, ты – моя привычка,
Ты – зверек, прирученный ко мне.

В лапах одиночества скучая,
С ним устали в пустоту спешить,
И призвали хрупкую случайность
Эту нашу спешку завершить.

Жизнь напоминает электричку,
А вагоны – цепь минувших лет,
Я – твоя всегдашняя привычка,
Лучшая привычка на Земле.

Валентин МАНУХИН

Я НОВУЮ ЗАЖГУ ЗВЕЗДУ...

Иду, бегу
я в твой чертог,
И грусть твою вдвоем разведем.
Я без любви душой продрог,
Но сердцем сердце отогреем.

Не надо мне святой воды -
Нектар любви погасит жажду.
Была бы рядом только ты,
Чтоб мог ловить я
взгляд твой каждый!..

Ты посмотри в свое окно -
Зачем будить мужскую силу,
Она разбужена давно
И ждет тебя, мой ангел милый.

Я новую зажгу звезду
И назову ее Любовью.
Пусть отражается в пруду,
Когда придем к нему с тобою.

ТЕБЕ

Хочу любить
и быть любимым,
Чтоб счастьем наполнилась душа,
Чтоб родником неудержимым
Текли бы светлые слова,
Чтоб день заветный приближали
И явью делали мечты.
Чтоб восхищение, не жалость,
Читая, чувствовала ты.

Пусть за окошком зимний вечер –
Слагаю песни о весне,
Чтоб сердцем жаждала ты встречи
И думала лишь обо мне.

ЛЮБОВЬ ЖИВЕТ ДЛЯ ВСТРЕЧИ...

Неделя, ойкнув, вновь прошла,
А я тебя не видел,
Все у тебя дела, дела...
Нет, нет, я не в обиде.
Тебе, наверно, невдомек:
Любовь живет для встречи.
Слова сладки, но в них не мед,
Коль виртуальны речи.
Когда ты сердцем одинок -
Нет праздников, лишь будни.
Поет, сияет родничок,
Когда с ним рядом люди.

«Да золотую Лиру вновь увидит свет!»

2015 год объявлен Президентом РФ Владимиром Путиным Годом литературы. В его рамках в области реализуется проект «12 симбирских литературных апостолов». Согласно его концепции, каждый месяц года будет посвящен одному из знаменитых земляков. Так, февраль посвящен Дмитрию Петровичу Ознобишину

Туда, где волны Инзы плещут,
Где в их зеркальной тишине
Цветные стекла ярко блещут
В час полуночи, при луне...

Имя Ознобишина, русского поэта и переводчика XIX века, на протяжении почти целого столетия было незаслуженно забыто. А в XIX веке оно ставилось в ряд с именами талантливейших русских поэтов. Его необычайно лиричная, тонкая, затрагивающая самые нежные струны души поэзия восхищала и очаровывала читателей. Не случайно Николай Языков в поэтическом послании к Ознобишину восклицал: «Да золотую Лиру вновь увидит свет!» – и называл своего земляка «мой поэт и полиглот».

Родиной поэта стала Симбирская земля, село Троицкое Карсунского уезда (ныне территория Инзы), где он родился 16 (4) октября 1804 года, где провел значительную часть своей жизни, где и был похоронен в 1877 году. Дмитрий Ознобишин глубоко и искренне любил свою малую родину, восторгался ее природой. Родным местам посвящены стихотворения «Волга в ноябре» и «Симбирску».

Родители поэта Петр Николаевич и Александра Ивановна очень рано ушли из жизни, и опеку над малолетними детьми (Иваном, Дмитрием, Елизаветой, Варварой и Александрой) взял на себя дед Иван Андреевич Варваца – греческий эмигрант, миллионер, известный благотворитель. Он привез Дмитрия в Петербург, где будущий поэт получил блестящее домашнее образование, а в 1819–1823 гг. продолжил учебу в Московском университетском благородном пансионе.

В 1824–1828 годах Ознобишин служил цензором французских периодических изданий в московском почтамте. Его переводы почти с 20 европейских и восточных языков, оригинальные стихотворения печатались в журналах и альманахах «Галатее», «Московский вестник», «Сын Отечества», «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Москвитянин», «Уралия», «Северные цветы», «Невский альманах» и др. Ознобишин выступал и как издатель.

Длительное время Дмитрий Петрович жил в Чебоксарах. В это время он стал уделять много внимания и времени изучению народного фольклора. Он много путешествовал по России и собирал народные песни русских, чувашей и мордвы. Им были записаны заговоры, сказки, обряды, свадебные и народные песни. Интерес к поэтическому творчеству народов Поволжья побудил Ознобишина к активным занятиям чувашским и татарским языками.

Дмитрий Петрович – автор стихов, полюбившейся народу песни «По Дону гуляет». Пожив некоторое время в Чебоксарах, Дмитрий Петрович все же выбрал постоянным местом жительства Симбирскую губернию. С начала 1830-х годов, вплоть до самой смерти, его жизнь и деятельность тесно связаны с Симбирским краем.

1835 год стал особенно значимым для Дмитрия Ознобишина. 29 июля 1835 года он женился на образованной, талантливой и музыкально одаренной девушке Елизавете Александровне Рогановской. В самые счастливые годы жизни поэта – с 1835 по 1846 (до кончины супруги) – были написаны лучшие его произведения: «Рождение арфы», «Письмо», «Упование», посвященные жене, кавказский цикл, патристические стихи, стихи гражданской тематики: «Пловец», «Турецкий кинжал», лучшие образцы любовной лирики: «Миг восторга», «Воспоминание», «Вазан-тазена» и другие.

Стихи Ознобишина часто печатались в журналах и альманахах. Составители хрестоматий и поэтических антологий помещали его произведения как образцовые.

Дмитрий Петрович принимал самое активное участие в общественной жизни города. Он был избран членом губернского статистического комитета, губернского училищного совета, гласным губернского собрания, почетным членом Карамзинской библиотеки, членом Особого присутствия по крестьянским делам. Его волновали и проблемы просвещения в крае, и положение крестьян. В селе Китовка, неподалеку от имения, поэт построил здание для школы, которая ныне носит его имя.

Несмотря на занятость общественными делами, Ознобишин никогда не прекращал работу над своими поэтическими альбомами. Всего им создано около 600 стихотворений. Более 15 романов написано на стихи поэта.

Умер Дмитрий Ознобишин 14 (2) августа 1877 года в Кисловодске. После смерти осталось двое детей – Иван и Елизавета. В Ульяновске сохранился дом Дмитрия Петровича. Его имя носит одна из улиц и городская детско-юношеская библиотека в Инзе. В 2007 году в городе установлен памятник поэту.

В центральной городской библиотеке Димитровграда оформлена выставка жизни и творчества Ознобишина, которая действует в течение всего февраля, а 5 февраля состоялся литературно-краеведческий час «Песнь благодарения». Учащихся 9-х классов средней школы №2 познакомили с деятельностью прославленного земляка, уроженца Ульяновской области, поэта и переводчика XIX века Дмитрия Петровича Ознобишина.

Заведующая отделом обслуживания ЦГБ
Светлана БАРЫШЕВА

КОНКУРС

«Мелекесс - от посада до Димитровграда»

Некоммерческое партнерство «Писательская организация «Слово» при поддержке администрации Димитровграда и общественного историко-культурного фонда «Мелекесс» объявляет о начале первого открытого молодежного литературно-краеведческого конкурса «Мелекесс – от посада до Димитровграда».

Участники конкурса в установленные сроки должны представить на суд жюри авторские работы в различных жанрах, касающиеся прошлого и настоящего в жизни Димитровграда, рассказывающие о его жителях, передающие в произвольной литературной форме не только предания, легенды, рассказы и воспоминания предков, но и современные события, думы о героях нашего времени и мечты о будущем.

Принять участие в конкурсе могут школьники 4-11 классов, представители студенчества и рабочей молодежи в возрасте до 35 лет, пишущие на русском языке, проживающие в настоящее время или ранее проживавшие в Димитровграде или Мелекесском районе.

ПОЛОЖЕНИЕ О КОНКУРСЕ ВЫ НАЙДЕТЕ НА САЙТЕ ГАЗЕТЫ «ДИМИТРОВГРАД»: www.dpanorama.ru

Приглашаем к участию в конкурсе!